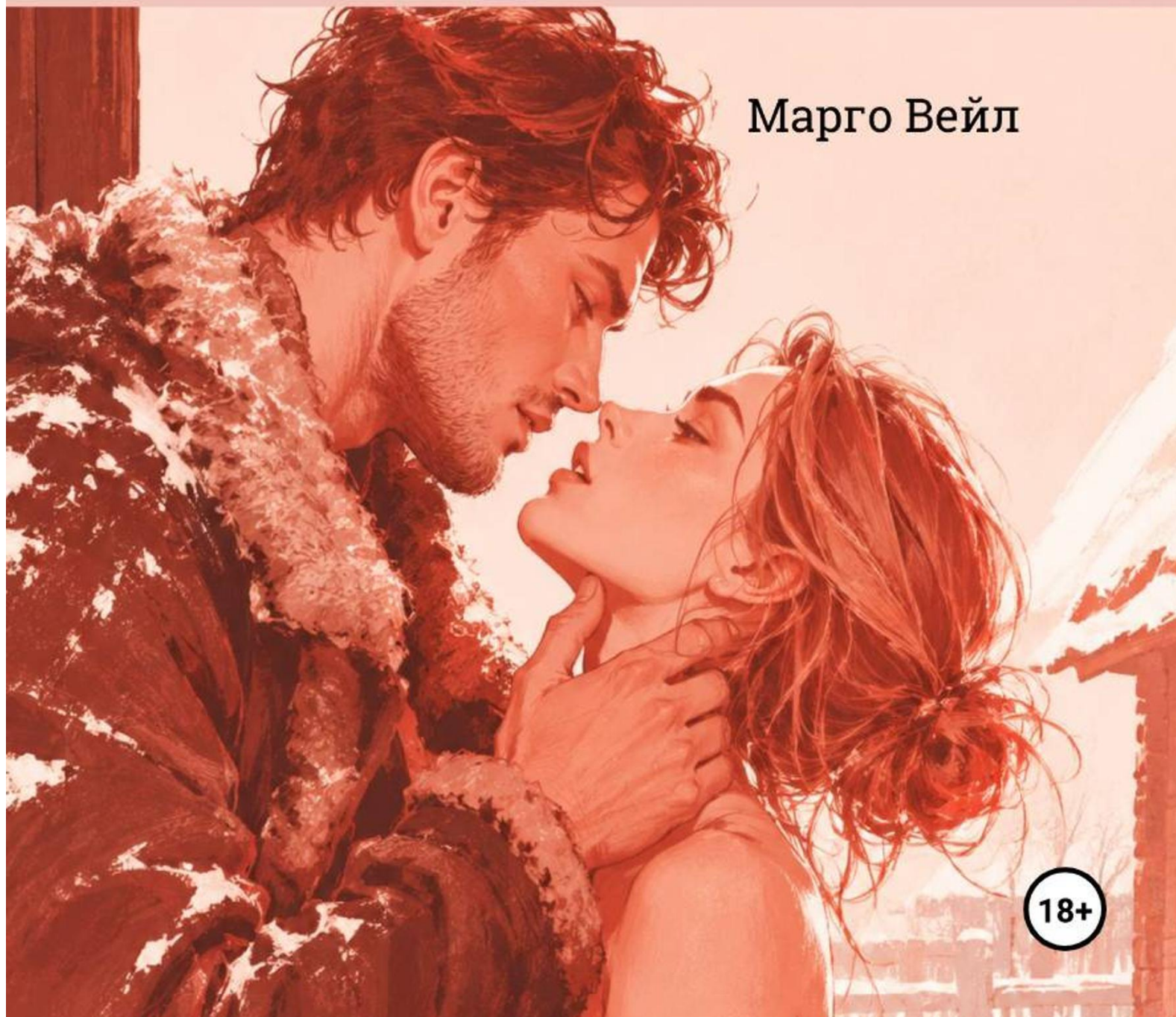

Чувственная история на один вечер

ПОКА СВЕКРОВЬ НЕ СЛЫШИТ

Марго Вейл

18+

Марго Вейл

Пока свекровь не слышит

«Автор»

2026

Вейл М.

Пока свекровь не слышит / М. Вейл — «Автор», 2026

Есть вещи, которые не стоит делать в доме свекрови. Например, писать мужу за обедом, что ты его хочешь. Особенно если за столом двенадцать человек, а его мама сидит в двух местах от тебя. Но Оля написала. Сергей посмотрел на жену так, словно она внезапно заговорила на китайском. Ещё бы: последние годы их переписка касалась продуктов, детей и счетов за электричество. Всё началось с одного взгляда на мужа, которого Оля, как ей казалось, знала до последней привычки. А закончилось тем, что она впервые за много лет перестала понимать, что он задумал. В доме ни одной двери с замком. За стенами — родственники. До обеда нужно вернуться, к ужину собраться всем вместе, а свекровь почему-то начала звонить чаще обычного. И самое опасное — Оле совершенно не хочется, чтобы эти каникулы поскорее закончились.

© Вейл М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Марго Вейл

Пока свекровь не слышит

Глава

Марго Вейл

Пока свекровь не слышит

На третий день каникул я поняла, что в доме у свекрови нет ни одной двери с замком. Двери закрывались на честное слово, а стучать в этой семье было не принято. Галина Петровна заходила к нам по утрам с полотенцами, Костины близнецы — когда хотели, а свёкор однажды зашёл просто спросить, не видели ли мы пассатижи. Двенадцать человек, один дом, и ни минуты без свидетелей.

Дом у родителей Сергея под Вологодой большой, деревянный, построенный ещё дедом. Внизу кухня, гостиная с печкой и огромный стол, за которым мы ели три раза в день, потому что Галина Петровна считает, что семья — это когда все едят вместе. Наверху три комнаты, в одной свёкры, в другой Костя с женой и их близнецами, в третьей мы: я, Сергей, наши Ваня и Маша, две кровати и раскладушка. Полы скрипят. Стены такие, что ночью я слышу, как Костя ворочается, а Лена шёпотом просит его не храпеть.

Я люблю свекровь, правда. Она не злая, она просто считает, что знает, как правильно, и обычно действительно знает. Я люблю этот дом и снег по окна, и как пахнет печкой. Но к третьему дню я так устала быть хорошей невесткой, что мечтала только об одном: залезть куда-нибудь, где меня никто не найдёт, и полчаса ни с кем не разговаривать. В кладовку. В сугроб. Куда угодно.

Я стояла у кухонного окна и тёрла свёклу на селёдку под шубой. Третья шуба за три дня, потому что Костя её очень любит. И увидела Сергея.

Он колот дрова во дворе. На нём был отцовский тулуп, старый, овчинный, с вытертым воротником, в котором его отец, наверное, ещё на рыбалку ходил при Брежневе. Шапки не было. Он ставил чурбак, отходил на полшага, поднимал колун и опускал, и полено разлеталось на две половины, и он, не глядя, ставил следующее. Раз. Раз. Пар изо рта. Снег на плечах тулупа.

Я перестала тереть свёклу.

Я смотрела на этого мужчину и не узнавала его. Ну то есть узнавала, конечно. Это был мой муж, я двенадцать лет вижу его каждое утро, я знаю, что он храпит на спине и не храпит на боку, что он не ест варёный лук и что у него есть трусы с утятами, которые ему подарила Маша на двадцать третье февраля и которые он носит из принципа. Я знаю про него всё. А тут во дворе был какой-то другой человек, широкий, спокойный, в чужом тулупе, и он рубил дрова так, как будто вокруг никого нет. Ни детей, ни мамы, ни меня.

Я смотрела, как тулуп натягивается у него на плечах, когда он замахивается, и поймала себя на том, что не дышу. И я его захотела. Не вечером, когда дети уснут, не «давай завтра», а сейчас, в эту минуту.

Я даже увидела, как это будет. Он заходит с мороза, весь в снегу, проходит через кухню мимо мамы, мимо Лены с тарелками, ничего никому не объясняя, берёт меня за запястье и уводит в кладовку. Ту самую, где я мечтала спрятаться. Закрывает дверь спиной. Там темно, пахнет яблоками и соленьями, и полка с банками упирается мне в лопатки. Тулуп он не снимает. Он распахивает его и прижимает меня к себе внутри, к холодной овчине и горячему свитеру, и руки у него ледяные после колуна, и он лезет ими мне под кофту, а я не говорю «ты что, там же мама». Я вообще ничего не говорю.

Что это вообще было? Я попыталась разобраться. Гормоны? Середина цикла? Тулуп? Может, мне просто надо выспаться? Я перебрала все варианты, и ни один ничего не объяснял, а оно не отпускало.

— Оля, свёкла, — сказала за спиной Галина Петровна. — У тебя сок на пол капает.

Я опустила глаза. Капало. Я вытерла пол и дотёрла свёклу и весь следующий час резала, мешала и раскладывала по тарелкам, а внутри у меня всё время что-то тихо гудело, и я не могла понять, как это выключить. Потом поняла, что не хочу выключать.

* * *

За обедом нас было двенадцать. Свёкор во главе стола, Галина Петровна рядом с кастрюлей, Костя с Леной, близнецы, мои дети, тётя Нина, которая приехала из Череповца, и её муж, который за три дня не сказал ни одного слова, кроме «передайте хлеб». Сергей сидел напротив меня. Он пришёл со двора красный, с мокрыми от снега волосами, и ел суп, как едят люди, которые два часа махали колуном.

Я достала телефон под столом и написала ему.

«Я тебя хочу».

Отправила. Положила телефон на колени экраном вниз. Сердце колотилось, как у школьницы на контрольной.

У Сергея в кармане коротко зажужжало. Он достал телефон, глянул на экран, и я видела, как у него меняется лицо. Сначала никак. Потом он прочитал ещё раз. Потом поднял на меня глаза, и в них было одно сплошное изумление.

Он что-то быстро набрал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.